

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИЛЕММА В ПЕРИОД ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

Е. В. Балацкий

В статье раскрывается механизм выхода экономической системы из мальтузианской ловушки. Показано, что ведущая роль в этом процессе принадлежит индивидуалистическим капиталистическим институтам, тогда как новые технологии формируют лишь саму институциональную дилемму. Обсуждается роль случайного фактора в успешном прохождении периода первоначального накопления капитала. Обосновывается, что страны более поздней индустриализации воспроизводят механизм выхода из мальтузианской ловушки, заимствуя при этом имеющиеся институты и технологии, а также привлекая капитал извне. Этот механизм объясняет их более высокие темпы роста по сравнению со странами ранней индустриализации.

В экономической теории до сих пор остаются тайны и загадки, которые плохо поддаются расшифровке в рамках принятых категорий. К числу таковых относятся две связанные между собой группы вопросов — механизм первоначального накопления капитала (прежде всего, в Англии) и наблюдающийся разрыв в уровне и динамичности развития разных стран мира. Существующие модели и теории чрезвычайно ограниченно объясняют данные феномены, в связи с чем многие важные моменты в развитии экономики постоянно ускользают от нас. В последнее время эти две группы вопросов объясняются с использованием аналитического инструментария институциональной экономики. В данной статье мы сделаем очередную попытку обобщения существующих трактовок с введением дополнительных когнитивных конструкций, которые, на наш взгляд, помогут снять многие теоретические противоречия. Для этого рассмотрим сначала более подробно генезис процесса первоначального накопления капитала с созданием соответствующей институциональной среды, а потом механизм подъема стран поздней индустриализации с учетом институционального фактора.

1. Общая схема мальтузианской ловушки

Фундаментальная когнитивная задача, которая стоит перед специалистами по экономическому росту, предполагает объяснение поразительного факта, а именно: почему мировая экономика на протяжении 10 тыс. лет развивалась в режиме простого воспроизводства, а с XVII в. перешла режим бурного роста? Почему среднедушевой уровень богатства народов на протяжении почти всей истории человечества не рос, а потом в течение двух столетий стал стремительно возрастать?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, по-видимому, необходимо детально объяс-

нить механизм возникновения и преодоления так называемой мальтузианской ловушки, на более адекватное содержательное описание которой было выполнено В. В. Поповым в [9]. Ниже мы формализуем основные элементы этого процесса, рассматривая, по сути, механизм экономического роста. Сразу оговоримся, что это не строгая модель роста, а скорее лишь схема основных взаимосвязей; построение и исследование модели представляет собой самостоятельную тему исследования.

Предположим, что предложение инвестиций (I_s) представляет собой определенную долю (s — норма накопления) полученного душевого дохода (Y) (для простоты будем рассматривать удельные экономические характеристики):

$$I_s = sY. \quad (1)$$

Спрос на инвестиции определяется двумя основополагающими факторами: необходимостью заменять вышедшее из строя (самортизированное) производственное оборудование (I_A) и созданием новых рабочих мест (I_N) для новой рабочей силы, вступающей на рынок труда:

$$I_D = I_A(K) + I_N(n), \quad (2)$$

где K — объем производственных мощностей (капитала); n — темп роста населения.

Как правило, инвестиции, осуществляемые на протяжении столетий обычными ремесленниками, формировались по правилу (2), т. е. ремесленник инвестировал свой доход в восстановление своего рабочего места и в создание новых рабочих мест для своих собственных детей. Долгое время такого рода семейный бизнес не позволял выйти за пределы двухфакторной схемы (2). Однако если доход был достаточно большим, то он мог с запасом покрыть спрос на инвестиции; полученный избыток средств мог пускаться на совершенствование средств производства, в результате чего

возникали более эффективные артефакты производственного капитала:

$$I_p = \Delta I = I_s - I_D, \quad (3)$$

где I_p — инвестиции в технологический прогресс (исследования, модернизация, экспериментирование и т. п.).

Чем больше средств остается на технологические нововведения, тем производительнее новое оборудование и, следовательно, тем выше капиталовооруженность производства $k = K/L$, где L — численность занятых:

$$dk / dt = \psi(I_p). \quad (4)$$

Если $\Delta I \leq 0$, то технологические инновации невозможны и происходит в лучшем случае простое воспроизводство.

В свою очередь сдвиги в капиталовооруженности повышают эффективность производства и ускоряют экономический рост:

$$Y = \phi(k). \quad (5)$$

Однако согласно мальтузианской концепции, рост доходов сказывается на рождаемости и темпах роста населения (N):

$$n = (dN / dt) / N = H(Y). \quad (6)$$

Как теперь хорошо известно, при низких значениях душевого дохода его рост ведет к росту населения, а при достаточно высоких — к падению рождаемости.

Сущность мальтузианской ловушки состоит в том, что в системе (1)–(6) устанавливается устойчивое равновесие, когда любой избыток средств, повышающий капиталовооруженность производства и душевой доход, ведет к росту населения и спроса на инвестиции в создание новых рабочих мест, что на следующем витке процесса приводит к обнулению инвестиций в технологические инновации и блокировке роста душевых доходов. На рисунке 1 показано мальтузианское устойчивое равновесие (ловушка бедности), к которому хозяйственная система постоянно возвращается. Гипотетически существует другая точка — точка неустойчивого равновесия, в которой достигается качественно иной уровень душевого богатства и технологической оснащенности производства (рис. 1). Однако перескочить из одной точки в другую через широкую зону острого дефицита инвестиций представляется проблематичным [9]. Объяснение преодоления именно этого переходного периода и составляет основную трудность для современной экономической теории. Можно сказать, что главным камнем преткновения для эконо-

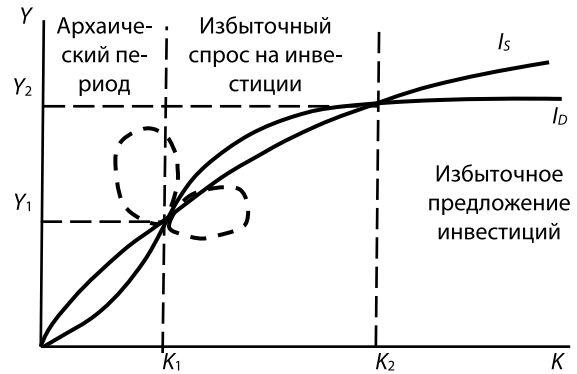


Рис. 1. Мальтузианская ловушка и ее альтернатива

мистов является понимание всех нюансов того, как все-таки и за счет чего Великобритании удалось выйти из мальтузианской ловушки. Рассмотрим некоторые элементы этой схемы.

2. Условия выхода из мальтузианской ловушки

В принципе экономистам хорошо известны условия, необходимые для выхода из мальтузианской ловушки. Если их систематизировать и сгруппировать, то они будут выглядеть следующим образом.

1. Резкое увеличение нормы накопления (инвестирования). Эмпирические данные показывают, что норма накопления в 5% ВВП (дохода) не позволяет запустить экономический рост и предполагает лишь простое воспроизводство. Для выхода на ощутимые темпы экономического роста следует повысить норму накопления, по крайней мере, до 12–15% ВВП [9, с. 46].

2. Снижение демографического давления и разгрузка рынка труда. Без приостановки роста населения и величины рабочей силы невозможно перераспределить инвестиции с экстенсивного направления (тиражирования существующих трудоемких рабочих мест) на интенсивное (создание качественно новых, трудозаменяющих рабочих мест). В противном случае возможны социальные потрясения с непредсказуемыми последствиями. Движение луддитов было лишь одним из подобных социальных протестов, но возникло уже несколько позже (в начале XIX в.).

3. Длительное мирное внутреннее и внешнее существование страны. Революции, гражданские войны и прочие внутренние неурядицы препятствуют нормальному развитию производственной деятельности, тем более — реализации технологического прогресса. Внешние войны вообще неприемлемы, так как их исход в эпоху слабого и более-менее равно-

мерного развития военных технологий зависел от соотношения в численности воюющих армий. Даже сама угроза такой войны требовала демографической активности и высокой рождаемости. Наложение демографической стагнации на завоевательные походы со стороны соседних стран было чревато гибелью государства.

4. Наличие технологических достижений. Производственные технологии являются непосредственным источником роста экономической эффективности, отдачи от капитала и личного богатства.

5. Наличие эффективных институтов по защите прав собственности и в особенности интересов крупного капитала. Наличие угрозы разрушения или неправомерного присвоения чужой собственности ведет к технологическому параличу и экономическому застою.

Сегодня дискуссии в отношении причин экономического возвышения Запада над Востоком идут, как правило, в рамках двух направлений мысли. Эндогенная доктрина (по терминологии В. В. Попова — западная) исходит из закономерного внутренне обусловленного преимущества Запада, которое базировалось на совокупности социальных новаций, сложившихся к началу первоначального накопления капитала. Это отмена крепостного права и личная свобода, разрушение соседской общины и огораживание, образование свободных городов, университеты, протестантская этика и т. п. [9, с. 39]. Перечисленные новации обеспечили верховенство закона, гарантии прав собственности, относительно свободные рынки, социальную мобильность и технологическую креативность, что, в конечном счете, и предопределило опережающее развитие западной цивилизации. Экзогенная доктрина (по терминологии В. В. Попова — ориенталистская) делает акцент на том, что лидерство Европы обусловлено стечением случайных обстоятельств. К их числу относятся наличие в Англии месторождений железной руды и угля, близость этих месторождений друг к другу, отток населения из Европы после открытия Америки и т. п. [9, с. 40].

На наш взгляд, обе доктрины вполне гармонично согласуются в рамках перечисленных пяти групп условий выхода из мальтузианской ловушки. Так, пункты 2 и 3 относятся к разряду скорее экзогенных причин, а пункты 1, 4 и 5 — ближе к разряду эндогенных. Рассмотрим их более подробно.

Начнем с фактора наличия технологических достижений. Почему технологический про-

гресс возглавила Европа, а не Китай или исламский мир? По мнению Д. Норта, этот процесс был предопределен институциональной спецификой указанных групп стран. Так, в Китае и в исламских государствах имел место слишком жесткий централизованный политический контроль над всей экономической жизнью людей, что сковывало их инициативу. Европа, наоборот, была раздробленной и децентрализованной, что и давало огромную индивидуальную свободу предпринимателям, позволяя им бесконечно экспериментировать и испытывать различные альтернативы, некоторые из которых срабатывали и давали толчок для дальнейшего прогресса [7, с. 197]. Тем самым эндогенная, т. е. зависящая от нее самой, «заслуга» Европы состоит в том, что она создала свободные рынки с минимальным вмешательством государства в экономику.

В таком объяснении есть резон, однако многие аналитики оспаривают значение этого факта. Так, даже в XVIII в. Китай не уступал Европе в том, что касается технологий, уровня потребления и развития институтов, которые могли поддерживать технологические новшества. Например, шелк, компас, порох, бумага, фарфор, доменные печи и книгопечатание были изобретены в Китае в Средние века или даже раньше, но все это не дало необходимого толчка к развитию капитализма [9, с. 50]. Китайские путешественники за столетие до Колумба плавали на судах, длиной превышавших в 4 раза шхуны европейских первооткрывателей Америки [9, с. 40]. По уровню здравоохранения и санитарных условий, медицины, калорийности питания и продолжительности жизни Китай не уступал главным европейским странам [9, с. 47]. По некоторым оценкам, в Средние века по уровню развития технологий и потребления Китай превосходил Запад на 20–30% [9, с. 35]. Таким образом, изначально индивидуальная свобода и технологическая креативность субъектов сами по себе не могли спровоцировать выход из мальтузианской ловушки.

В отношении фактора длительного мирного внутреннего и внешнего существования страны ситуация подпадает под счастливое стечение обстоятельств. Например, Великобритания, начавшая жестокий эксперимент по капитализации своей экономики, смогла продержаться два столетия без катастрофических завоевательных походов со стороны соседних стран [9, с. 46]. Подобные эксперименты проводились и более ранними цивилизациями — в Древней Греции, Древнем

Риме и Византии, — но окончились неудачей из-за ослабления демографического фактора и завоевания извне [9, с. 45]. Однако и этот фактор сам по себе не способен объяснить успех британской капитализации. Например, Китай также достаточно успешно прошел этот период в смысле противостояния внешней агрессии и вполне мог бы реализовать похожий эксперимент. Тем не менее, этого не произошло. Следовательно, фактор мира не может выступать в качестве ведущей движущей силы периода первоначального накопления капитала.

Таким образом, третье и четвертое условия преодоления мальтузианской ловушки соблюдались как в Великобритании, так и в Китае; расхождение возникает в отношении первого, второго и пятого условий, которые выполнялись в Европе, но нарушались в Китае. Рассмотрим эти различия более предметно.

Прежде всего, в Великобритании произошло резкое увеличение нормы накопления. Так, только за период с 1760 г. по 1831 г. доля накопления возросла с 6% до 12% [9, с. 46]. Это привело к ускорению экономического роста и производительности труда при сохранении среднего уровня материального благосостояния. Прямым следствием таких процессов явился рост неравенства. По некоторым данным, коэффициент Джини вырос с 46% в 1688 г. до 60% в 1860-е гг., что является очень высоким уровнем [9, с. 54]. Надо сказать, что одновременно с высоким уровнем накопления и относительно высокими темпами экономического роста возникает и проблема неравенства, которая на протяжении 10 тыс. лет фактически не существовала. Считается, что долгое время уровень годового душевого дохода держался на уровне 500 долл. в ценах 1990 г.; при этом прожиточный уровень жизни составлял половину этой величины [9, с. 45]. При таких параметрах превышение коэффициента Джини отметки в 50% почти автоматически приводило к вымиранию населения. Достижение этого уровня и дальнейшее превышение оказалось возможным при выходе из режима мальтузианской ловушки. Такие процессы нанесли сильнейший удар по демографии Великобритании: темпы роста населения упали с 0,7% в 1000–1500 гг. до 0,3% в XVII в. [9, с. 48]. В Китае действовали противоположные тенденции: норма накопления не росла, неравенство не увеличивалось, а демографический фактор усиливался — доля Китая в мировом населении с 1700 г. по 1820 г. увеличилась с 23% до 37% [9, с. 45].

По всей видимости, причина такого положения дел лежит в различии действующих в

Китае и Англии институтов. Если в Британии институты носили откровенно индивидуалистический характер (приоритет интересов индивидуума над интересами коллектива), то в Китае — коллективистский (приоритет интересов коллектива над интересами индивидуума). Эти различия проявились при перераспределении земли. Если в Китае растущему сельскому населению предоставлялась земля за счет существующих владельцев, то в Англии, напротив, фермеры сгонялись с земли и превращались в пролетариев. В результате таких процессов в Британии средний размер фермерских хозяйств в период с XIII в. по 1800 г. увеличился с 14 акров до 151, а в Китае с 1400 г. по 1800 г. уменьшился с 4,0 акров до 2,5 [9, с. 47].

Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно использовать положение, в соответствии с которым главной движущей силой процесса выхода из мальтузианской ловушки является характер действующих в стране институтов, определяющий уровень накопления, темпы роста производства и производительности, а также уровень экономического неравенства и демографические параметры. Если британские институты отдавали предпочтение росту производства и его эффективности в ущерб социальным достижениям, то китайские институты были ориентированы на социальное благополучие и равенство за счет отказа от технологического прогресса.

Рассмотренная схема позволяет резюмировать механику первоначального накопления капитала: технологический фактор является первичным (исходным) в том смысле, что он порождает дилемму в отношении дальнейшего развития общества. Но в дальнейшем, при выборе базовых экономических ценностей институциональный фактор оказывается первичным по отношению к технологическому в смысле создания социальных основ по переходу из режима мальтузианской ловушки к режиму устойчивого экономического роста. В целом же условия 1–5 представляют собой необходимые и, может быть, даже достаточные условия для выхода экономической системы из мальтузианской ловушки.

Обратите внимание на диалектическое противоречие в процессе преодоления мальтузианской ловушки: западная (британская) институциональная модель, будучи антигуманной и почти бесчеловечной, через несколько столетий породила общество всеобщего благосостояния, провозгласившее гуманистические ценности; восточная (китайская) институциональная конфигурация, опиравшаяся на более мяг-

кие социальные императивы, через несколько столетий привела к возникновению гигантского регионального очага всеобщей нищеты. Таким образом, благосостояние нынешней цивилизации базируется на социальной несправедливости и жестокости, имевшей место в период первоначального накопления капитала.

Подчеркнем, что процесс первоначального накопления капитала по своей сути является переходным процессом и по мере его завершения начинает работать так называемая модель общего равновесия, требующая, чтобы вся произведенная продукция была потреблена. С этого момента увеличение нормы накопления перестает быть главной целью развития и сама модель экономического роста трансформируется. На стационарной траектории развития начинают действовать различные модификации правила «золотого накопления», направленные на оптимизацию процессов накопления и потребления.

3. Закон Дж. М. Кейнса, классовое общество и социальное неравенство

Рассмотрим довольно простую задачу о взаимосвязи нормы накопления и неравенства в доходах, которая, как правило, игнорируется в научной литературе. Между тем эта связь является основополагающей.

Главный вопрос состоит в том, как влияет неравенство в доходах населения на инвестиционный процесс и экономический рост. Для ответа на этот вопрос сравним два варианта развития: случай гомогенного общества, численностью N и среднедушевым доходом Y_M , и случай гетерогенного, 2-классового общества, где класс богатых характеризуется численностью N_R и средним доходом Y_R , а класс бедных — численностью N_P и средним доходом Y_P . Общая численность населения и сумма дохода в обоих случаях равны. Тогда, отталкиваясь от инвестиционной функции (1), можно записать условие равенства инвестиционной активности гомогенного (левая часть уравнения (7)) и гетерогенного (правая часть уравнения (7)) обществ:

$$s_M Y_M N = s_R Y_R N_R + s_P Y_P N_P, \quad (7)$$

где s_M , s_R и s_P — норма накопления гомогенного, богатого и бедного населения соответственно.

Если уравнение (7) дополнить двумя очевидными тождествами

$$N = N_R + N_P, \quad (8)$$

$$Y_M N = Y_R N_R + Y_P N_P \quad (9)$$

и вести обозначения $\lambda = N_P/N$ — доля бедного населения, и $\varsigma = Y_R/Y_P$ — разрыв в доходах бедных и богатых, то из (7) легко получить критическое значение неравенства в доходах:

$$\varsigma^* = \frac{\lambda}{1-\lambda} \left(\frac{s_M - s_P}{s_R - s_M} \right). \quad (10)$$

Если $\varsigma > \varsigma^*$, то гетерогенное 2-классовое общество вкладывает в экономическую систему больше инвестиций, чем гомогенное бесклассовое. Тем самым мы получили аналитически вывод о том, что чем выше социальное (доходное) неравенство, тем лучше это для сферы инвестирования и производства. Именно этим обстоятельством и обусловлена роль неравенства в процессе экономического роста.

Несложно видеть, что пороговое значение ς^* всегда будет положительным, если разница норм накопления в скобках в правой части выражения (10) положительна. Между тем указанная положительность гарантируется действием закона Дж. М. Кейнса, который часто называется основным законом потребления (накопления) [4, с. 157]. Согласно этому закону, по мере роста индивидуального дохода доля накопления растет, т. е. в наших обозначениях

$$ds / dY > 0. \quad (11)$$

Учитывая, что функция $s = s(Y)$ является возрастающей и $Y_P < Y_M < Y_R$, справедливы неравенства: $s_P < s_M < s_R$, что и обеспечивает положительность порогового значения ς^* .

Таким образом, действие непреложного закона Кейнса уже само по себе посредством создания значительного социального неравенства порождает ускоренное накопление капитала и более интенсивное инвестирование в производство. Как это ни парадоксально, но создание класса богатых людей, которые могут позволить себе инвестировать почти весь свой доход, и класса нищих маргиналов, находящихся на грани или даже за гранью физического выживания, является положительным явлением, обеспечивающим долгосрочный экономический рост.

В данной точке мы сталкиваемся не только с простой институциональной дилеммой, но и, быть может, с самой интригующей моральной развилкой в истории человечества. Выбор прост: либо аморальный выбор и богатство в будущем, либо высокоморальное решение и нищета навсегда. Было бы ошибкой думать, что этот выбор был персонифицированным и кто-то конкретно был вынужден принимать на себя столь трудное решение. По-видимому,

сложившиеся к моменту принятия подобного решения институциональные модели в разных регионах мира привели к тому, что перевесили чашу весов в ту или иную сторону.

Здесь же следует остановиться еще на одном вопросе: какой цивилизационный выигрыш получает общество при создании класса богатых людей? Ответ основан на том, что индивидуальный доход делится на две части — потребление, связанное с текущими интересами сегодняшнего дня, и накопление, представляющее собой вложение в будущее. В этом смысле значительная норма накопления означает, что человек большую часть своего богатства вкладывает в будущее, а, следовательно, его интересы непосредственно связаны с этим будущим. Можно сказать даже так: чем больше норма накопления, тем больше интерес индивидуума к будущему и, скорее всего, тем больше величина его горизонта планирования. Вместе с тем отличие развитой цивилизации от примитивных сообществ состоит как раз в умении видеть будущее, предсказывать его, планировать длительные мероприятия и учитывать будущее в своих текущих решениях. Наличие интереса лишь к проблемам сиюминутной жизнедеятельности присуще животным и насекомым. Кроме того, сам отказ от потребления в пользу накопления заждется на способности человека к самоограничению, что также отличает его от животного. Следовательно, процесс масштабного инвестирования богатыми людьми представляет собой важный шаг к построению более развитой цивилизации. По всей видимости, это еще один парадокс экономического развития.

4. Роль институтов в разгрузке рынка труда

Со времен Й. Шумпетера принято рассматривать два аспекта инновационного процесса — создание новых технологий на основе исследований и разработок (собственно инновация) и распространение (диффузия) новых технологий на основе их заимствования у технологического лидера (имитация инноваций). Процесс рождения инноваций является более таинственным и непонятным, с него все начинается, а потому часто именно он считается ведущим элементом экономической жизни. Однако это не так. Для становления капитализма именно фаза распространения явилась главной. Образно говоря, важен не столько сам факт изобретения печатного станка, сколько факт его повсеместного тиражирования, когда он появился в каждом городе. Мир изменился благодаря не книгопечатанию как таковому, а

тому, что печатные станки заполнили все экономическое пространство и позволили обеспечить население книгами любого толка и содержания. Но для распространения инноваций нужны огромные инвестиции, что и был призван обеспечить период первоначального накопления капитала. Отсутствие же капитала консервирует примитивное состояние общества. До сих во многих африканских деревнях земля обрабатывается мотыгами отнюдь не потому, что никто не знает про трактор, а потому что у африканских фермеров нет денег для его покупки.

Как справедливо отмечает В. В. Попов, Запад вырвался из мальтузианской ловушки не благодаря своей изобретательности, а благодаря жестокости в пределах собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовывать эти изобретения в «металле» через возросшие инвестиции [9, с. 50]. Таким образом, как уже отмечалось, истинная причина возвышения Запада заключается в наличии у него особых «жестоких» институтов, которые и сыграли роль спускового крючка.

Роль первичности институтов в процессе первоначального накопления капитала отмечалась многими исследователями. По всей видимости, одним из первых был Ф. Энгельс, который показал, что даже такое базовое явление, как моногамная семья возникло после того, как оформился институт частной собственности. Именно право собственности и механизмы его защиты сделали возможным передачу по наследству накопленного богатства, что, в свою очередь, потребовало строгого оформления родственных отношений [11]. Примечательно, что уже в этом примере видна роль так называемого избытка, который может быть передан третьим лицам; без накопленного избытка сам институт частной собственности не имеет смысла.

Р. Лукас идет еще дальше, по сути, утверждая, что институты возникают раньше технологических изменений и появления экономического избытка. По его мнению, излишек в обществе охотников и собирателей возникает не благодаря изменениям в физических методах производства, а, скорее, благодаря изменениям в правах собственности. Так, общество охотников, которому удалось установить и затем поддерживать частную собственность на охотничьи угодья, может создать «излишек дичи» без изменений в технологии охоты [6, с. 200]. Таким образом, приватизация охотничьих угодий или прав на собирательство пред-

шествовала или, по крайней мере, развивалась параллельно сельскому хозяйству. В противном случае возникает сакраментальный вопрос: кто станет одомашнивать животное, если у любого есть право убить и съесть его? [6, с. 200].

Итак, как нами уже отмечалось, технологии представляют потенциальную возможность создания излишка, после чего возникает институциональная дилемма по поводу того, как закрепить права на подобный излишек за тем, кто его создает.

Развивая данный тезис о роли институционального фактора, остановимся на ранее не рассмотренном нами условии первоначального накопления капитала — разгрузке рынка труда. Дело в том, что широкое распространение технологических достижений приводит к росту производительности труда и массовому высвобождению рабочей силы. Если этот контингент людей не «нейтрализовать» и не предотвратить поступление новых кадров, то без социального взрыва не обойтись. Как же удалось Британии пройти этот опасный переходный период?

Если резюмировать историческую обстановку в Англии периода первоначального накопления капитала, то можно выделить пять каналов разгрузки рынка труда.

1. Ликвидация части населения путем казней. Защита частной собственности и законности в Англии периода первоначального накопления капитала осуществлялась самым жестким образом. Правительство не останавливалось перед самыми крайними мерами в виде физической расправы. Так, даже в XVIII в. не менее 223 нарушения закона каралось смертной казнью. Среди них: карманное воровство, кража со взломом, ограбление дома на сумму более 40 шиллингов, отправление писем с угрозами, разорение шестов в посевах хмеля, выкапывание деревьев из частных садов и на улицах, мятеж и дезертирство, преступление норм нравственности, похищение наследства, разрушение прудов для рыбы, нанесение увечий скоту, кража лошадей и других видов скота, кража белья или одежды стоимостью свыше 40 шиллингов, незаконное возвращение из ссылки, утаивание смерти незаконнорожденного ребенка, супружеская измена, святотатство и др. Масштаб казней был поистине впечатляющим. Перед въездом в города были установлены виселицы, над которыми кружили стаи черных воронов, рвущих трупы повешенных преступников. На ряях судов в портах также качались трупы людей, за-

стигнутых на месте преступления [10, с. 14-15].

Институт смертной казни дополнялся другими физическими наказаниями, многие из которых по своей сути были эквивалентны смертной казни. Например, за кражу овцы полагалось 300 ударов кнутом, которые не могли выдержать даже многие здоровые мужчины. Порка полагалась за самые мелкие провинности: невежливый ответ слуги дворянину, невнимательность матроса во время прохождения службы и т. п. Правоприменительная практика также отличалась безжалостностью. Например, за браконьерство полагалась виселица, причем не имело значения, кто совершил преступление — взрослый человек или подросток [10, с. 15]. Другие примеры: мальчик 13 лет, выливший из окна дома содержимое ночного горшка и попавший в дворянина, наказывается сотней ударов кнутом; 72-летний служащий береговой охраны, нечаянно столкнувшийся священника в канализационные стоки, приговаривается к 50 ударам кнутом по голой спине [10, с. 17].

Учитывая, что большинство перечисленных «преступлений» совершалось бедняками, «чистка» населения посредством казней была весьма основательной. Люди, не нашедшие место на рынке труда и не имеющие средств к существованию, нещадно «выкорчевывались» и физически ликвидировались.

2. Эмиграция свободных граждан в Америку. Важнейшим экзогенным фактором капитализации британской экономики явилось открытие Нового Света, куда можно было экспортировать лишние кадры. В колонии люди бежали в поисках новой жизни, туда же направлялись и многие каторжники. Еще в правление Елизаветы II парламент страны в 1597 г. принял закон, разрешающий отправлять хулиганов, бродяг и нищих в Новый Свет. С 1717 г. органы правосудия по всей Англии приговаривали разбойников, вымогателей и взломщиков к виселице, но в половине случаев смертная казнь заменялась ссылкой. Отчасти это делалось из-за наличия спроса в Северной Америке на белых невольников [10, с. 18].

Однако обретение Соединенными Штатами Америки в 1776 г. независимости привело к отказу страны в приеме английских каторжников. С этого момента Северная Америка стала местом, куда устремлялись свободные граждане. Однако и в этом случае она еще некоторое время служила местом насильственной высылки англичан. Здесь уместно привести хрестоматийный пример, связанный с законами, действовавшими в Британии в начале

XVIII в. Все шотландские кланы имели свои так называемые тартаны — одежду с особым рисунком в клетку, служившую опознавательным знаком для населения. В результате внутренней борьбы за власть шотландские кланы оказались на проигравшей стороне, в результате чего был принят закон, согласно которому вводился строгий запрет на ношение тартанов. В случае нарушения этого запрета в первый раз человек подвергался наказанию в виде тюремного заключения; при вторичном нарушении этого правила нарушителя отправляли в британскую армию, расквартированную в Северной Америке. Тем самым любая нелояльность в отношении властей каралась изоляцией человека от общества — либо в тюрьме, либо вообще за пределами страны. Иными словами, любой повод использовался для того, чтобы «разгрузить» территорию Британии от нежелательных социальных элементов.

3. Вывоз осужденных в Австралию. После утраты англичанами Северной Америки в качестве места принудительной высылки своих граждан начались поиски альтернативы. В качестве таковой ученый-ботаник Дж. Бэнкс предложил открытую к тому времени Австралию; Палата общин одобрила это предложение и в 1786 г. министр внутренних дел лорд Сидней оповестил страну, что в качестве места ссылки преступников выбран Ботани-Бей (Австралия), куда с этого момента и направлялись флотилии с каторжниками [10, с. 19].

Нарушения закона, которые карались ссылкой, поражали крайностями и нелепостями. Это могли быть кража пары брюк, мелкое карманное воровство, кража мешка моркови, порча стога сена или просто бродяжничество [10, с. 18]. Понятно, что все эти «преступления» совершались представителями бедноты по причине крайней нужды.

В контексте данных норм лежит и историческое восстание луддитов в 1811–1813 гг., которое было жестоко подавлено. Индустриальный саботаж (уничтожение машин) было объявлено преступлением, наказуемым смертной казнью, и в 1813 г. 17 человек были казнены; множество людей, участвовавших в восстании, было осуждено и отправлено в Австралию. В течение некоторого времени правительственные войска занимались подавлением луддитских волнений активнее, чем военными действиями против Наполеона на Пиренейском полуострове.

4. Ликвидация части населения за счет роста убийств. Прямым следствием жесткой политики накопления капитала и усмирения масс

стал рост в Англии числа тяжких преступлений и, прежде всего, убийств. Положение в стране даже в XVIII веке походило на гражданскую войну между богатыми и бедными. На больших дорогах орудовали разбойники, в городах — карманники; любой человек в опрятной одежде подвергался риску быть ограбленным [10, с. 14]. В худшие годы периода первоначального накопления капитала число убийств колебалось в районе 50–100 на 10 тыс. чел. населения, которое снижалось до сегодняшних 1–3 на протяжении почти 500 лет [9, с. 52]. Фактически страна долгое время находилась в режиме самоуничтожения собственного населения.

5. Вымирание населения по причине сокращения продолжительности жизни. Разрушение общинных форм жизни, вытеснение людей из деревни в города, их эксплуатация на новых промышленных предприятиях, ликвидация расширенных семей и т. п. создавали постоянные стрессы у населения. Все эти процессы сопровождались укоренением новой системы ценностей и практики двойных стандартов, вопиющей несправедливости и неравенством. Социальные издержки такой ломки старого образа жизни проявились, прежде всего, в банальном вымирании нации. Так, продолжительность жизни в Англии снизилась с 35–40 лет в конце XVI в. до 30–35 лет в начале XVIII в. [9, с. 48]. Данное обстоятельство внесло весомый вклад в рост смертности населения и снижение напряжения на рынке труда.

По-настоящему случайным обстоятельством в описанной картине является лишь фактор открытия колоний, которые выступили в роли географического буфера, предназначенного для перекачивания избыточной рабочей силы. Даже с учетом колоний состоявшаяся капитализация британской экономики является чудом. Без социального амортизатора в форме колоний первоначальное накопление капитала, скорее всего, не состоялось бы. Этот тезис представляется верным еще и потому, что колонии, помимо функции по разгрузке рынка труда, играли и роль акселератора накопления национального капитала. Беспощадная эксплуатация ресурсов колоний делала почти все заморские коммерческие операции сверхрентабельными. Поток сверхприбылей позволил относительно быстро сформировать класс местных капиталистов, обладающих достаточными ресурсами для запуска почти любых промышленных проектов.

В целом представленная картина показывает переплетение эндогенных и экзогенных факторов первоначального накопления капи-

тала, детерминированных и случайных обстоятельств. Так, если открытие колоний выступило в роли случайного (экзогенного) фактора, то индивидуалистический характер институционального устройства Великобритании вполне детерминированным образом направил «колониальный бонус» в нужном направлении. Не исключено, что именно институциональный фактор, опираясь на возможности колониальной эпохи, породил тот самый капиталистический дух, который и предопределил развитие капитализма на последующие пять веков. Именно институты трансформируют средневековый принцип покоя в капиталистическое беспокойство, статический мир — в принципиально динамический [2, с. 29]. И лишь значительно позже, по мере накопления опыта хозяйствования капиталистический дух порождает такие указанные В. Зомбартом свойства, как умение считать и копить [2, с. 125].

5. Роль институтов в развитии стран поздней индустриализации

Понимание механизма первоначального накопления капитала позволяет объяснить многие явления в современной экономике. Среди них особое место занимает следующий хорошо известный факт в динамике душевого дохода: страны, которые начали свой рост позже, сначала растут гораздо быстрее тех стран, которые начали свой рост раньше (рис. 2). Любопытно, что страны поздней индустриализации со временем все равно не догоняют лидеров [6, с. 154]. Условно можно выделить 4 группы стран, вступивших на путь индустриализации и экономического роста в разное время. Первая группа — Великобритания, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия; вторая группа — Франция, Германия, Голландия, Скандинавия; третья группа — прочая Западная Европа, Латинская Америка, Восточная Европа, СССР (Россия); четвертая группа — Азия (без Японии), Африка [6, с. 180].

Как ни странно, но отмеченные простые факты пока не находят вразумительного объяснения. Действительно, почему более позднее подключение к процессу индустриализации сопровождается все более интенсивным ростом?

На наш взгляд, объяснение состоит в факте заимствования отстающими странами капиталистических институтов. Наверное, самым наглядным примером этого тезиса может служить Китай, который долгие годы оставался незатронутым современным капитализмом и генерировал основную массу мировой

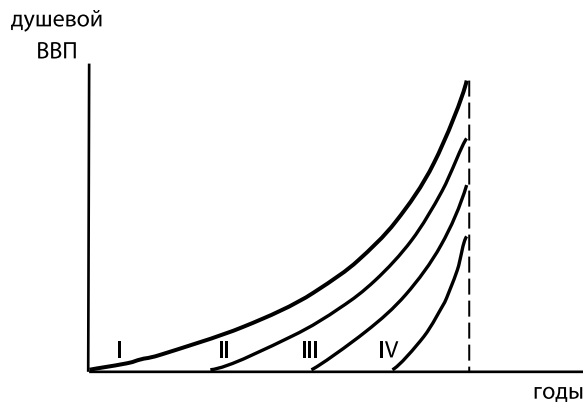


Рис. 2. Иллюстрация эффекта ускорения темпов роста стран поздней индустриализации

нищеты. Кардинальные изменения начались только в конце XX в., когда страна начала строить капиталистическую экономику. Более того, не имея колоний, куда можно было бы передислоцировать избыточную рабочую силу, китайское правительство осуществило беспрецедентную меру по целенаправленному ограничению рождаемости. Данная политика, дополненная стихийной эмиграцией китайцев во все уголки мира, позволила снизить давление рынка труда на начавшийся технологический прогресс. На сегодняшний день социальное расслоение в Китае достигло своего апогея, знаменуя «успех» в деле капитализации национальной экономики. Главным же моментом в развитии страны явилась трансплантация, пусть частичная и специфическая, современных капиталистических институтов.

Заимствование готовых эффективных институтов у стран более ранней индустриализации позволяет выстроить их гораздо быстрее, устранить так называемые барьеры для роста и достигнуть на этой основе более высоких темпов развития [6, с. 159]. В этом смысле можно говорить о получении странами поздней индустриализации извне неких институциональных знаний.

Однако внедрения капиталистических институтов самих по себе не достаточно для обеспечения взрывного развития стран поздней индустриализации. Если бы внедрялись только институты, то стране пришлось бы пройти тот многовековой путь, который прошла в свое время Британия. Однако этого не происходит. Это связано с перемещением капитала и технологий из развитых стран в страны поздней индустриализации. Наличие в этих странах дешевой рабочей силы, а иногда и природных ресурсов делает их привлекательными для вложения капитала и открытия новых производств. Именно приход в страны поздней ин-

дустриализации накопленного в развитых странах капитала с современными технологиями позволяет повысить темпы экономического роста выше тех, которые были характерны для их предшественников. И здесь мы опять сталкиваемся с приходом знаний извне, но уже в форме технологических знаний. При этом чрезвычайно важно, что институты и в этом случае являются первичным фактором, создающим географические аттракторы для капитала и технологий. Такой ход событий поддерживается тем обстоятельством, что развитые страны к этому времени, как правило, находятся в стадии избытка (перенакопления) капитала (рис. 1), что и позволяет им безболезненно перемещать его в страны поздней индустриализации. Главным же моментом в развитии стран поздней реализации является огромная роль экзогенных факторов. В этом состоит их главное отличие от стран — первопроходцев первоначального накопления капитала.

Важным моментом в ускорении развития стран поздней реализации является усилившийся во всех странах институт государства и накопленный политический опыт. Например, социалистическая революция в России означала отказ страны от внедрявшихся в нее капиталистических институтов и возврат к общинному укладу хозяйствования. Однако это могло произойти только в условиях слабой политической воли и слабого государства. Сегодня такое случается редко.

Здесь хотелось бы не согласиться с В. В. Поповым, который считает, что многие азиатские страны смогли вырваться из мальтузианской ловушки благодаря сохранению общинных институтов, не ведущих к росту неравенства, бедности и смертности [9, с. 59]. На самом деле ни одна из успешных стран новой индустриализации не миновала капитализации своих институтов. В Японии после Второй мировой войны была внедрена американская институциональная модель капитализма; в ходе адаптации она модифицировалась, но от этого не перестала быть рыночной. В Южной Корее также была внедрена модель США, под военным и экономическим покровительством которых она находилась. Сингапур вобрал в себя колониальную модель Британии и, основательно переработав ее, скорректировал под свои нужды. Индия до сих пор базируется на британских институтах. Китай, начиная с реформ Дэн Сяопина, последовательно внедрял безымянную комплексную модель рыночной экономики. Более того, в свое время даже США позаимствовали в виде долговых обязательств

гигантские капиталы из Великобритании. Несколько позже рыночные реформы в Китае были «дважды поддержаны» США: путем открытия американского потребительского рынка для китайских товаров и путем притока американских капиталов на территорию Поднебесной [1]. Сингапур вообще стал рекордсменом по привлечению иностранных инвестиций. Примеры можно продолжать. В этом смысле никакой успешной альтернативы в истории цивилизации пока не просматривается.

Сказанное позволяет по-новому посмотреть и на историю СССР. Дело в том, что эта страна пошла вспять общему тренду развития, отказавшись от заимствования капиталистических институтов и выстраивая свои собственные, социалистические. При таком раскладе Советский Союз фактически лишил себя возможности получения институциональных знаний извне и был вынужден создавать их с нуля, проходя путь, аналогичный тому, который прошла Великобритания в период первоначального накопления капитала. Теоретически такое возможно, однако ситуация осложнялась тем, что выстроить новые институты надо было в самые сжатые сроки. Тем самым СССР должен был пройти многовековой путь первоначального накопления капитала в течение нескольких десятилетий, что уже само по себе проблематично. Ситуация еще больше осложнилась начавшимися масштабными войнами. При таких обстоятельствах построение эффективного государства требовало колоссальных ресурсов. Нехватка таковых, по-видимому, и привела к распаду СССР в конце XX в.¹

Нечто подобное пытался сделать и коммунистический Китай, однако ему не удалось построить эффективные общинные институты, и он продолжал оставаться отсталой экономикой. В рамках выбранной общинной модели институтов Китай не смог даже приблизиться к технологическому успеху СССР. Однако рокировка произошла несколько позже, когда Китай довольно успешно освоил рыночную модель экономики, а СССР полностью разрушился и даже в лице своего преемника — России — так и

¹ Есть и еще один интересный момент, связанный с «предательством» советской элитой своей страны и социалистического строя. В СССР все привилегии партийных боссов были скромными; многие изыски роскошного образа жизни были не допустимы при социализме. В капиталистической России высшие чиновники и магнаты страны могут себе позволить абсолютно все вполне легитимным, законным образом. Таким образом, социалистические институты для правящей элиты оказываются менее привлекательными, нежели институты капиталистические.

не смог построить эффективный капитализм. Таким образом, разница в развитии этих двух стран состоит не в выборе разных институтов, а в умении (или неумении!) перенимать уже имеющиеся рыночные нормы. Такая трактовка событий близка той, которой придерживается В. М. Полтерович [8].

Сказанное подводит к пониманию специфики догоняющего развития. Как оказывается, при удачном заимствовании институтов страна может получить еще и капитал извне, что позволяет достигать очень высоких темпов экономического роста. Но на этом пути есть по крайней мере две серьезные опасности. Первая состоит в том, что разгрузить рынок труда посредством перемещения «лишней» рабочей силы за пределы страны нельзя — мир освоен и при наличии миграционных барьеров эмигрировать людям просто некуда. Поэтому взрывной технологический прогресс может иметь самые катастрофические социальные последствия. Вторая опасность связана с тем, что неудачное заимствование институтов может породить инвестиционную ловушку, когда накапливаемый капитал будет тотчас вывозиться в страны с более эффективными институтами. В этом случае государство оказывается в экономическом тупике. Примерно в такое состояние попала современная Россия.

Отмеченные опасности хорошо объясняют известный факт, согласно которому все страны поздней индустриализации характеризуются довольно жесткими, иногда авторитарными политическими режимами. Дело в том, что удержать ситуацию переходного периода первоначального накопления капитала либеральными методами просто невозможно. В этом смысле можно говорить об исторической последовательности «первоначальное накопление капитала — демократические институты», а не наоборот. В связи с этим вполне логичным представляется мера наказания, законодательно введенная в Южной Корее в 1960-х годах: за вывоз из страны инвестиций в размере 1 млн долл. полагалось лишение свободы на срок не менее 10 лет или смертная казнь [3, с. 952].

Последним штрихом в нашем анализе является недостижимость странами поздней ка-

питализации уровня стран-лидеров (рис. 2). Отчасти этот эффект связан с последовательностью процесса разработки новых технологий — от одного поколения к другому. Перепрыгнуть какие-либо стадии здесь невозможно. Поэтому самые современные технологические разработки каждая догоняющая экономика должна пройти сама, что создает ограничение по скорости. Другой аспект удержания лидерства связан с тем, что странам поздней индустриализации можно физически помешать развиваться путем военного вторжения. Так было, например, когда Израиль разбомбил заводы по обогащению урана в Сирии. Аналогичное политическое давление под угрозой военной интервенции оказывается со стороны США на Иран. При этом исход военных столкновений предопределен технологическим лидерством стран ранней индустриализации. Причем фактор численности населения уже не имеет значения: беспилотники и роботы-андроиды эффективно заменяют живых солдат.

Следует отдельно остановиться на роли случайного фактора в капитализации экономик стран поздней индустриализации. Насколько актуален этот фактор по сравнению с периодом первоначального накопления капитала?

Ответ на этот вопрос прост: ничего не изменилось и роль случая по-прежнему огромна. Прекрасно иллюстрируют этот тезис воспоминания Ли Куан Ю о становлении современного Сингапура. Он отмечает уникальность многих составляющих успеха сингапурской модели: английское наследие, включая английский язык в качестве государственного, оставшееся после окончательного ухода из страны британских вооруженных сил; самороспуск самой влиятельной альтернативной политической партии внутри Сингапура — коммунистической партии; отсутствие военной интервенции со стороны Индонезии и Малайзии; еще не набравшая силу внешняя торговля Китая; уникальное географическое положение, позволившее фондовой бирже Сингапура «замкнуть» мировой финансовый рынок и сделать его работающим круглосуточно, и т. п. [5]. Такое количество счастливых совпадений наблюдается чрезвычайно редко.

Список источников

1. Балацкий Е. В. Мировые центры капитала: движение во времени и в пространстве // Общество и экономика. 2008. — №7. — С. 112-130.
2. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. — М.: ГЕРРА — Книжный клуб, 2009.
3. Казакевич Г. Д., Амсден А. Следующий гигант Азии: Южная Корея и поздняя индустриализация // Экономика и математические методы. 1990. — Т. 26. — Вып. 5.

4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Прогресс, 1978.
5. Ли Куан Ю. Сингапурская история. Из «третьего мира — в первый». — М.: МГИМО(У) МИД России, 2005.
6. Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
7. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.
8. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. — М.: Издательство «Экономика», 2007.
9. Попов В. В. Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2012. — №3(15). — 2012. — С. 35-66.
10. Фальк-Рённе А. Где ты, рай? — М.: Прогресс, 1989.
11. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. — М.: Либроком, 2013.

УДК 330.3

Ключевые слова: институты, технологии, капитал, индустриализация, экономический рост, инвестиции